

Нурлан КАМИ ХАН МОДЭ

*Продолжение.
Начало № 12, 2024.*

* * *

Модэ в сопровождении Шанрыка и десятка жасаулов объезжал горы. Вдруг откуда-то сбоку возникли несколько всадников. Модэ осадил коня и спросил у Шанрыка:

— Кто это?

Тот своим видом дал понять, что не знает, и приказал подчинённым:

— Живо узнайте, кто они!

Согласно установленному порядку пятеро жасаулов отделились от отряда и плавной рысью понеслись к таинственным всадникам. При их приближении незнакомцы выхватили сабли из ножен, приготовившись к бою. Жасаулы тоже вынули сабли из ножен и, не колеблясь, решительно устремились к врагу. В тот же миг за спинами неизвестных всадников возник целый вооружённый отряд. Жасаулы остановились. Насупив брови и выхватив саблю, Модэ помчался туда. За ним последовали и остальные. Когда Модэ в мгновение ока очутился на месте, к нему неспешно подъехал предводитель противостоящего отряда, джигит, приблизительно одного с ним возраста, и даже не потянулся рукой к сабле, висевшей у него на поясе. Модэ с горящими глазами заставил своего коня встать на дыбы, а потом вложил оружие обратно в ножны:

— Как вы осмелились обнажить сабли при виде моих жасаулов?! — заорал он, трясаясь от гнева.

— Прости, ханзада Модэ, — ответил джигит, прикладывая левую руку к груди в знак приветствия и уважения. Лицо его было спокойно-степенным, чувствовалось, что полностью полагается на собственные силы. Его ни капельки не смутило то, что перед ним стоит сам Модэ. — Джигиты мои не узнали вас. Вряд ли можно было предположить, что я могу повстречать тебя в глухих горах.

— А вы сами откуда и что здесь делаете?!

— Мы люди вольные, ханзада, — ответил джигит. — Сами решаем, куда нам идти и где нам ходить. Никто, кроме Владыки небес Тенгри, не может повелевать нами.

— Выходит, вы казахи. А ты их атайман?

— Ты не ошибся, ханзада.

— От какого народа вы отделились?

— От разных. Я — уйсун.

— Сколько у тебя всадников?

— Ну, этого я тебе не скажу. Но сил для того, чтобы сразиться с одним туменом, хватит.

Модэ прыснул со смеху:

— Хорошо, положим, пусть у тебя будет два тумена всадников. И что ты собираешься с ними делать?

Глаза казахского джигита внезапно загорелись огнём решительности:

— Ханзада, ты не меньше моего знаешь, что победу в битве одерживают не числом, а умением. Ну, а цель моя присоединиться к тому герою, кто смог бы смело повести за собой воинов против китайцев — и твоих, и моих врагов, грозы всех кочевников, чтобы отомстить за поруганную честь моих предков.

— Если это так, примкни ко мне.

Казахский джигит отрицательно покачал головой:

— Нет, ханзада. О мужестве твоём наслышан, да и силой твоей восхищён. Посчитал бы за честь биться под твоим началом. Однако сейчас власть не в твоих руках, народом правит хан Туман. Ну, а если ты взойдёшь на престол, чтобы крепко держать поводья власти, и поведёшь за собой в поход войска, то отделяться от тебя не стану. Не гневайся, что говорю открыто. Когда наступит время, я сам тебя найду и примкну к тебе.

— Вот оно что... Тогда прощай.

— Удачи тебе, ханзада.

Модэ прищипорил коня и по своим же следам поскакал назад. Шанрык и жасаулы последовали за ним.

Ханзада замедлил бег своего коня и резко отчитал Шанрыка:

— Шанрык-батыр! Ты забыл, что помимо должности мынбасы у тебя есть и другие обязанности?!

Тот прижал обе руки к груди и поклонился:

— Прости меня, мой повелитель. Я и не думал, что в этих горах есть ещё кто-то, кроме нас. — При этом он смотрел в глаза Модэ без тени страха.

— Начиная с завтрашнего дня ты должен знать всё, что творится и происходит в ста шақырымах вокруг нас. Об этом будешь докладывать мне два раза в день.

— Повинуюсь покорно, мой повелитель, — склонив голову, сказал в ответ Шанрык.

* * *

Дружина Модэ остановилась возле одной пещеры в горах и спешилась. Внутри вошли только ханзада и Шанрык. Остальные остались у входа. В сумраке пещеры едва были видны несколько сидящих на корточках людей. На почётном месте восседал тибетский праведник. Жестом он дал им понять, чтобы присаживались. И они молча присели на корточки.

— Мы весьма польщены тем, что вы не пренебрегли обществом таких горемык, как мы, и решили посетить эту обитель отшельников, ханзада. Не гневайся на нас за то, что мы не выразили тебе почтение и не поклонились, когда ты вошёл. Мы поклоняемся только Тенгри и преклоняемся лишь перед ним одним.

Модэ не придавал этим словам никакого значения, даже бровью не повёл и продолжал сидеть как ни в чём не бывало. Он сидел и смотрел праведнику прямо в глаза:

— Слышал, что ты ясновидящий. Хотел бы задать тебе несколько вопросов.

Праведник вперил задумчивый взгляд в Модэ:

— Я уже уловил суть твоих вопросов, ханзада. Слушай мои ответы на них. Судьба человека лишь в руках Тенгри. Тенгри наш издавна бережёт людей осмотрительных и осторожных. Будь твёрд и требователен по отношению к себе самому. В спутники своему разуму возьми решительность.

Модэ продолжал смотреть на праведника безотрывным взглядом и после короткого молчания вновь обратился к нему:

— Это правда, что ты полностью обучился тибетской науке?

Угрюмое лицо праведника не выражало никаких эмоций, лишь глаза вперились в Модэ:

– Я побывал во многих краях, встречался со многими мудрецами и учёными, у некоторых из них был учеником. Человек превосходит человека не своей учёностью, а тем, что у него заключено внутри, и тем, что дано ему Тенгри.

После непродолжительной тишины Модэ обвёл взглядом всех присутствующих, а затем, посмотрев на праведника, заговорил властным голосом:

– Пойдёшь ко мне в советники?

– Я служитель Тенгри, ханзада. И служить больше не могу никому. Не вмени это мне в вину, не прогоняй из этой кельи.

Модэ поднялся с места:

– Пусть будет так, как ты сказал. Однако не отказывайся обучать присланных мною к тебе людей.

– Постараюсь сделать всё, что в моих силах, ханзада.

* * *

Тумен был разделён на две части. Они стояли конным строем друг против друга, а между ними на гнедом скакуне гарцевал Модэ, обращаясь к воинам громко и отчётливо:

– Слушайте меня, доблестные гуннские герои! Моё верное войско! Мы не забавы ради находились здесь всё лето напролёт. Отважные военачальники и славные батыры обучали нас искусству ведения боя. А для каждого гунна нет искусства более почитаемого, чем умение воевать. Кто, кроме нас, защитит матерей и детей, народ и землю, честь и достоинство каждого? Войны без кровопролития не бывает. Но пусть прольётся не наша кровь, а кровь нашего врага! На сегодняшний день у всего гуннского народа нет воинов искуснее и сильнее, чем вы! Со временем каждый сегодняшний рядовой воин поднимется до звания десятника, десятник – до сотника, сотник – до мынбасы, а мынбасы до туменбасы. И мы докажем на войне своими ратными подвигами, отвагой, мужеством, искусным владением оружием, что достойны этого. Сейчас каждый из вас стоит десяти воинов! Теперь осталось одно, последнее испытание, и если вы с честью преодолеете его, то нет той силы, которая могла бы нас остановить. Это испытание – железная дисциплина! Я сам поведу вас на это испытание. Пойдёте за мной?!

– Пойдём! – громогласно и одновременно выкрикнул весь тумен.

– Вы верите в меня?!

– Верим! – единым духом выпалили отчаянные ратоборцы.

– Повести вас?!

– Веди!.. – сотрясая горное ущелье мощью тысячи глоток, единогласно ответил весь тумен.

– Ну, раз так, то приступим! – сказал Модэ и сунул руку в колчан. Шанрык показал ему рукой на орла, парившего в вышине. Никто из воинов, кроме Шанрыка, никогда прежде не слышал ужасающий звук летящей с протяжным воем стрелы, словно призывающий саму смерть: все удивлённо переглянулись. – Это стрела смерти! Такие стрелы есть пока только у меня. Со временем вся гуннская армия будет вооружена такими снарядами. Я ставлю перед всеми вами одно условие: куда и в кого бы я ни направил такую стрелу, все до единого должны выпустить свои стрелы в ту сторону и на того человека! Кто замешкается хоть на миг и промедлит, тот лишится головы! Вы поняли меня?

– Так точно! – грянул тумен в один голос.

– Тогда поскакали!..

Модэ пустил своего саврасого аргмака, на котором он только что гарцевал на плацу, с места в карьер, и всё десяти тысячное войско с гулом и грохотом устремилось вслед за ним. Все тысячи по установленной в войске дисциплине скакали вровень, не нарушая строя, по десять рядов в каждом и накатывались на равнину волна за волной, словно наводнение. Преодолев один холм и очутившись на вершине второго, все увидели пасущегося на лугу Байгешубара, на котором Модэ сбежал из плена кушанского хана. Конь, заслышав многотысячный топот, вскинул голову и, застыв на одном месте, наострил уши. Когда Модэ приблизился к нему на расстояние полёта стрелы, он пронзительно заржал и стал бить копытами оземь, словно готовый присоединиться к этой массе скачущих всадников. Ханзада снял лук, прикрепленный к поясу, и вытащил из колчана воющую стрелу. Хотя никто из воинов не видел перед собой никакой цели и не знал, во что и в кого собирается стрелять их повелитель, но все разом вскинули луки наизготовку. Внезапно Модэ накренился всем корпусом на бок и... выпустил свою воющую стрелу в Байгешубара. Вторым, кто сразу же выпустил стрелу, оказался Шанрык-батыр. Многие из отважных мужей, не робевшие перед лицом врага, оторопели и замешкались, не зная, натягивать тетиву или не натягивать. Ведь для гуннов нет животного более почитаемого, более превозносимого и более священного, чем конь. Да еще какой конь! Если кто и превосходит его, так это только знаменитый скакун хана Тумана – Цянь-лима, преодолевающий без усталости тысячи ли – пятьсот шақырымов в день. Так у какого же воина нацелится стрела на такое великолепное животное, как Байгешубар, обладать которым выпало счастье самому ханзаде, на коня с совершенной статью, не говоря уже об его удивительной выносливости в бегах, на скакуна, вызывавшего зависть многих знатоков лошадей и барышников? Однако... не сам ли повелитель прицелился и выстрелил в него? «Куда и в кого бы я ни направил стрелу, кто промедлит, тот лишится головы!..» Слова эти отчётливо прогремели в ушах громовым раскатом. И тут же всё войско, замешкавшееся было на мгновение, осыпало тучей стрел невинное животное, пронзительно заржавшее от боли и присевшее на передние ноги, в одну из которых впиалась стрела повелителя. Летняя подготовка не прошла даром, в сознании каждого из воинов настолько прочно укоренилась необходимость беспрекословного подчинения приказу, что оно тотчас погасило чувство жалости к прекрасному тулпару, бывшему пределом мечтаний всякого, кто его видел, и все принялись рьяно без колебаний выполнять суровое и жестокое решение ханзады. Конечно, нашлись среди них некоторые мягкотелые джигиты, которые смалодушничали да так и не решились на выстрел. Их и высматривали мынбасы и сотники, следовавшие за Модэ, когда тот сразу же после выстрела поскакал назад сквозь строй всего войска. Очутившись уже на вершине холма, Модэ резко осадил коня и остановился с угрюмым выражением на лице. Тумен развернулся к нему и выстроился в упорядоченные конные шеренги. Не выдавая своих чувств, ханзада пробежал горящими глазами по замершим рядам своего войска и хрипло прокричал:

– Мынбасы! Ко мне!

Шанрык, распорядитель состязаний мергенов, батыр, обучавший сабельному бою и другие – всего десять человек отделились от каждой тысячи и подскочили к нему. На лицах их застыла решимость во что бы то ни стало выполнить любой приказ своего господина.

– Каждый из вас в своих тысячах собственноручно накажет всех малодушных, у кого дрогнула рука натянуть тетиву. Каждый трус должен принять смерть от своего десятника! Каждый десятник, не умеющий управлять своими подчинёнными, будет разжалован и подвержен наказанию в виде десяти

ударов плетью. Сотник, не добившийся железной дисциплины, будет разжалован и понижен до чина десятника и подвержен двадцати ударам плетью!

– Покорно повинуюсь, ханзада! – выкрикнул за всех тысячников Шанрык и прижал левую руку к груди. Этот жест следом повторили и остальные, выражая верность и почтение своему повелителю.

* * *

В пещере, охраняемой двумя воинами крупного телосложения, Модэ, Шанрык и поднявшийся до звания десятника бывший татарский мынбасы допрашивали двоих, одетых в лохмотья, средних лет китайцев. Те сидели на корточках на соломенной подстилке с завязанными на спине руками. По обе стороны от них стояли два жасаула.

– Итак, какое послание передал татарский хан Длинному Хяню? – грозно спросил у них Модэ. Китайские лазутчики отвечали ему по очереди.

– Правитель дунху ответил, что не может помочь ему, ханзада.

– Если это так, то почему он отправил своего человека вместе с вами?

– Наверное, у него своё задание, нам было велено лишь организовать ему встречу с Хянь лехоу.

– С кем ещё собирався вступить в союз Длинный Хянь?

– Мы этого не знаем, ханзада.

– Каково его мнение о гуннах?

Китайцы замаялись, заёрзали и стали переглядываться между собой. Шанрык заорал на них громовым голосом:

– Отвечайте на вопросы ханзады немедленно и без заминки!

– Ханзада, – обратился один из них к Модэ с серьёзным видом. – После кровопролития, которое произошло десять лет назад, кто может думать о союзе с вами? Длинный Хянь, как и все китайские полководцы, считает гуннов нашими извечными врагами.

– Ты правильно поступил, что сказал правду, – сказал Модэ, сидевший на пеньке. Он сжал руками свою голову. – Уведите!

Жасаулы увели китайцев в одно из ответвлений пещеры и заперли их в небольшую темницу с железными дверями.

– Приведите татарина! – приказал Модэ. Затем повернулся к десятнику. – А ты пока спрячься где-нибудь поблизости.

Десятник ушёл в самый дальний угол пещеры. Жасаулы привели какого-то человека лет около пятидесяти с округлой бородой и бегающими глазками.

– Кто ты? – спросил Модэ, глядя на него пронизывающим насквозь взглядом.

– Я? Бедный несчастный человек. Направлялся в Тибет, да вот по дороге меня задержали ваши жасаулы. Я ни в чём не виноват, начальник.

– Я – ханзада Модэ. Тебе лучше говорить мне правду.

– Покорно повинуюсь, ханзада, я сказал тебе правду. Я ведь с самого своего рождения никому не лгал.

– Жасаулы нашли у тебя пайзу татарского хана. Что скажешь на это?

– Не знаю, ханзада, – ответил тот, прикидываясь невинной овечкой, – никакой пайзы я не видел.

– С каким поручением тебя направили к Длинному Хяню?

– Не знаю я никакого Длинного, ханзада. Я обездоленный и несчастный человек.

– Онбасы! – крикнул Модэ. Круглобородый резко переменялся в лице, увидев, как из закутка пещеры вышел десятник. Пленник вытаращил глаза, побледнел и зарычал, как волк, попавший в капкан. И вдруг он резко рванул

с места и попытался ударить головой десятника, но Шанрык пнул его ногой в грудь, и тот упал навзничь. Жасаулы тут же вцепились в пленника.

— А, пёс шелудивый! Ты, оказывается, здесь! — прохрипел татарин. — Гуннские помои жирными оказались, паршивая собака?!

— Заткнись! — заорал на него Модэ. Затем обернулся к десятнику. — Ты знаком с ним?

— Самый верный советник татарского хана, — ответил десятник. — От него правды не добьёшься, ханзада. Он настолько кровожаден, что даже не пикнет, хоть режь его на куски.

— Я сам отрежу твоё мясо, вонючий пёс! погоди! Если не я, то кто-то другой сделает это! Негодяй, продался за чашку помоев!

— Уведите! — махнул рукой Модэ. Жасаулы с трудом вывели из пещеры пленника, что-то кричавшего в сторону десятника и пытавшегося при этом вырваться.

* * *

По узким улочкам древнего китайского города шли три человека в длинных чёрных накидках, прикрывающих лица. Переходя из одного переулочка в другой, затем в третий, они остановились возле дома с высокой кирпичной оградой и постучали в ворота вначале трижды, потом дважды, затем снова трижды. Калитка бесшумно отворилась, и вся троица направилась через двор к дому. Стоявшие у входа часовые открыли перед ними двери и поклонились. Ночные гости вошли в просторную комнату, уставленную роскошной изящной мебелью, скинули с себя накидки и, подав их слуге, который приветствовал их сложа ладони рук вместе, сели на длинную скамью, стоявшую вдоль стены. Это были Модэ и двое тех самых китайских лазутчиков.

— Сообщил Хянь лехоу о нашем прибытии, — сказал слуге один из них. Тот вновь сложил руки ладонями внутрь и вошёл в следующую комнату. Вскоре он вышел оттуда.

— Пусть гость пока отдыхает, наверное, устал с дороги. А вы заходите к лехоу.

Оба спутника Модэ пошли вслед за слугой в другую комнату, а ханзада остался в одиночестве. Не прошло и нескольких мгновений, как внезапно раздвинулась противоположная стена, завешенная ковром, и в проёме потайной двери возникла совсем юная, изящно сложенная девушка неописуемой красоты, разящей наповал. Модэ вздрогнул от неожиданности и, приняв было её чуть ли не за сверхъестественное существо иного мира — пери, вытащил из-под полы шелкового халата пристёгнутый к поясу кинжал. Девушка прошла к нему два или три шага, остановилась и поклонилась, а когда она выпрямилась и кокетливо улыбнулась, то, казалось, вся комната наполнилась каким-то чудесным лучезарным светом, и лампы, висевшие по всей стене, словно засверкали ещё ярче. В её тонкой стройной фигурке не было ни единого изъяна, и голос её серебристым звоном нежно прозвучал в тишине:

— Здравствуй, ханзада. Добро пожаловать, — поздоровалась она с ним.

Рослый словно дикий степной хищник, Модэ впервые столкнулся с такой безупречной женской красотой. Он долго ещё не мог взять себя в руки при мысли о том, что среди представительниц женского пола могут встречаться такие прелестные создания.

— Кто ты? — спросил он, не ответив на приветствие девушки.

Хорошо зная, какое воздействие оказывает на мужчин её красота, она, казалось, не придавала никакого значения тому, что он пришёл в сильное замешательство.

– Я – дочь Хянь Юй лехоу, – ответила она. – Меня зовут Сяо Хэ. Мы уже слышаны о славе храброго гуннского принца Модэ. Я от чистого сердца рада, что лицезрею перед собой знаменитого воина.

Девушка жестом указала на дверь, откуда она только что вышла, и почтительно склонилась перед ним.

– Пройдёмте ко мне, ханзада. Вы, вероятно, испытываете жажду, выпейте напиток.

Модэ молча и безропотно проследовал за девушкой. Когда они вошли, дверь за ними так же бесшумно закрылась, и они остались одни в сказочно прекрасной комнате. Девушка пропустила вперёд Модэ и усадила его на один из мягких пуфиков, лежавших вокруг низенького круглого столика, на котором в щедром изобилии стояли вазы с разнообразными яствами и фруктами. Сама же присела напротив. Разлив вино из темно-синего узкогорлого фарфорового сосуда в расписанные цветочными узорами чашечки, протянула одну из них гостю.

– Пейте, ханзада, угощайтесь фруктами, – сказала она нежным голоском и, первой отпив глоток вина из своей чашечки, поднесла к тоненьким изящным губам одну, сорванную из большой грозди, виноградную величиной с большой палец руки. Модэ тоже последовал её примеру. Видимо, дала о себе знать сильная жажда. И, когда он залпом осушил виноградный сок, на лбу его сразу же выступил пот. Наконец-то совладав с собой, он вновь почувствовал себя непринуждённо, как прежде, посмотрел на девушку открытым, явно откровенным взглядом, с жадностью пожирая её глазами. И когда девушка сорвала ещё одну виноградную, ханзада резко схватил её за кисть руки.

– Все дочери Длинного Хяня столь прекрасны, как ты? – задыхаясь от волнения, спросил он у неё. Девушка слегка улыбнулась.

– У меня есть две старшие сестры, – скромно ответила она. – Но они обе замужем. Чересчур уж расхвалил ты меня, ханзада, ведь никто не превосходит красотой дочерей Сына Неба. А я перед ними всего-навсего лишь простая служанка.

– Мне не нужна императорская дочь! Когда я вернусь на родину, то отправлю людей к Длинному Хяню и засватаю тебя.

Девушка нарочито стыдливо опустила глаза. Видимо, сильно был возбужден Модэ, что не заметил, как слишком сильно сжал девушку за запястье, или же она нашла предлог, чтобы избавиться от его приставаний, но вдруг нахмурила брови, словно ей было очень больно.

– Ты мне делаешь больно, ханзада, отпусти, пожалуйста.

Модэ освободил её руку. Она снова стала разливать вино в чашечки.

– Пей вино, ханзада, угощайся фруктами.

Хотя Модэ сразу же поднёс к устам вино, на сей раз он не стал проявлять несдержанность, как в самом начале, и сделал всего два маленьких глоточка. Тем временем в стене открылась уже другая дверь, и в комнату вошёл Длинный Хянь. Не зря, видимо, его так прозвали, ростом он приходился по плечи конному всаднику.

– Добро пожаловать, принц Модэ, – обратился он к ханзаде и почтительно прижал к груди левую руку.

Модэ в ответ даже не пошевелился:

– Здравствуй, военачальник Хянь.

Длинный Хянь присел за один из столиков прямо напротив Модэ. Девушка налила вина и ему и, поклонившись, вышла из комнаты.

– Слышаны о славе твоей, ханзада. Особенно потрясены тем, как ты увёл лучших скакунов хана юэжи и наголову разбил его войска на поле битвы.

– Ты говоришь о кушанцах. Они всегда доставались нам на поживу, так будет и впредь во веки веков. Однако, я прибыл сюда не за тем, чтобы выслушивать от тебя хвалу. Перейдём лучше к серьёзному разговору.

Искренний ли это был порыв или же извечная уловка, присущая китайцам, но Длинный Хянь всем видом дал понять, что слушает его с нескрываемым интересом:

– Говори, ханзада, я весь внимание.

– Если ты полагаешь, что раз уж вы спрятались за стеной, построенной Мын Тьхяном, то никто за её пределами не знает, что вы делаете и что принимаете здесь у себя. Глубоко заблуждаешься, полководец. До нас доходят слухи, что ты не можешь найти общий язык с императором и то, что он поддерживает Лю Баня. Судя по тому, что хочешь заключить союз с татарским ханом, похоже, ты затеваешь поднять восстание. Так ли это?

Хянь Юй улыбнулся и покачал головой:

– Удивляюсь твоей прозорливости, ханзада. Но я не собираюсь поднимать восстание против императора. Такого мне не простит ни народ, ни грядущие потомки.

– Хорошо, скажем, ты хочешь пойти войной не на императора, а на Лю Баня. Если пожелаешь, то я готов стать твоим союзником.

Теперь Хянь Юй перешёл к открытой издёвке:

– Прости за дерзость, ханзада, однако, как мне известно, не ты правишь страной гуннов, а твой отец. Слышал, что уж он-то человек весьма осторожный. Или же он настолько постарел, что не в силах управлять своей страной?

Модэ резко переменялся в лице и, уже не сдерживая своего гнева, резко вспылал:

– Я сюда явился не в кошки-мышки с тобой играть, Длинный Хянь! Я ведь говорю от лица своего народа, так что будь любезен относиться к моим словам с уважением!

Длинный Хянь сразу принял сдержанно-степенный вид:

– Не сердись, ханзада. В отличие от тебя, руки у меня коротки. Я не слишком осведомлён о том, что происходит и что делается в стране гуннов. Поэтому, думается, я должен понимать, что ты уполномочен говорить от имени хана Тумана?

– Да, пожалуй, это будет верно.

– Ну, тогда перейдём к делу. Каковы ваши условия?

Модэ, не моргнув глазом, вперил свой взгляд в Длинного Хяня. Тот тоже не отвёл от него глаз.

– Моё условие таково. Если с благословения Владыки Небес Тенгри мы одержим победу, то ты возвратишь землю наших предков на Ордосе и по берегам Жёлтой реки. В благодарность за это мы будем охранять от врагов ваши западные рубежи. Будем воевать вместе с вами рука об руку вплоть до окончательной победы.

Длинный Хянь испытующе посмотрел на Модэ и горько усмехнулся:

– А если я проиграю?

– Гунны никогда не нарушали своих обещаний. Мы будем с вами до самого конца.

Длинный Хянь откинулся спиной немного назад и довольно рассмеялся, словно у него груз с плеч упал:

– Иметь в союзниках отважных гуннов – мечта любого военачальника, ханзада. Договорились! Остальное обсудим за ужином.

Он повернул голову в одну сторону, дважды хлопнул ладонями, и в открывшуюся в стене потайную дверь вошли, поклонившись, двое слуг.

– Подайте нам ужин!

Слуги снова отвесили поклон, и, не поворачиваясь спиной к ним, попятившись назад, вышли из комнат. Длинный Хянь повернулся к Модэ:

– Пей вино, ханзада.

Сам же он длинными пальцами взял в руки чашечку и поднял её перед собой. Модэ тоже взял в руки свою чашечку.

* * *

Великая китайская стена, построенная по велению Жёлтого императора великим полководцем Мын Тьхянем, словно длинный ремень опоясывала собой окрестности степи и с высоты птичьего полёта казалась гигантским драконом, покрытым роговым панцирем. Ночью под стеной медленно проходили дозором двое стражников. Вдруг они выставили наизготовку свои короткие копья. К ним успели приблизиться три тёмных силуэта. Один из стражников громко закричал:

– Стой! Кто идёт?!

– Свои! – властным голосом отозвался один из троих, бесшумно подкрававшихся людей. Стражник хотел было повторить свой окрик во второй раз, но захлебнулся собственным голосом и тут же упал на землю. Один из подкрававшихся в резком прыжке ударил его ногой прямо в яблочко. Второй стражник кинулся было вступить в схватку, но успел лишь раза два взмахнуть коротким копьём и, поверженный безоружным противником, повторил участь своего напарника.

Троица по-кошачьи ловко вскарабкалась по маленьким уступам на вершину стены и, низко пригибаясь, короткими прыжками перебежала на противоположную сторону и благополучно спустилась вниз. Они бегом устремились к зарослям густого ивняка, всё дальше удаляясь от стены. Здесь их ждали несколько человек с привязанными к кустам конями.

– Ханзада! – крикнул один из поджидавших.

– Это я, – ответил ему Модэ.

Ожидавший протянул ему чембур, и Модэ, резко запрыгнув на коня, обернулся к двоим сопровождавшим его спутникам.

– Прощай, ханзада, – крикнул один из них.

– Счастливого пути, – пожелал второй.

– Счастливо оставаться, – сказал им Модэ и поддал ногами коню под брюхо. Поджидавшие успели вскочить на коней и вскачь устремились следом за ним.

* * *

Тихо покачивались на ветру прибрежные заросли, окаймляющие берег блестящего, словно зеркало, в оправе предгорий озера. На песчаном берегу лежали женские одежды. Чуть поодаль в уже желтеющих и тем самым предвещающих наступление осени камышовых зарослях паслись три коня, привязанные за чембуры к ветвям дерева. В озере, разбрызгивая воду в разные стороны, плескались младшая ханум и две её рабыни. Они восторженно радовались, обрызгивая друг друга водой, и звонко смеялись. Через некоторое время ханум вышла из воды и легла на прибрежный песок... Три женщины нежились, подставляя свои обнаженные тела висящему прямо в зените светилу. Капельки воды, застывшие на них, блёстками сверкали на солнце. Ханум перевернулась на живот и с томным стоном заговорила:

– Потрите мне спину.

Рабыни массировали ей гладкую шею, ровные лопатки, спину, поясницу и ягодицы.

– У младшей ханум тело такое же красивое, а кожа такая же нежная и гладкая, как у пятнадцатилетней девушки! – восхищённо восклицала первая.

– Ни одного изъяна во всём теле, – вторила ей другая.

Ханум, постанывая, словно похотливая кошка, перевернулась на спину. На лице её появилась печать тревоги.

– Но мне кажется, что красота младшей токал превзошла мою. Похоже, она смогла приворожить к себе повелителя!

Одна из рабынь удивлённо вскрикнула, изобразив ложный испуг:

– Перестань, младшая ханум, что ты такое говоришь! Ханзада на ней ведь не женился, и она всего лишь одна из многих его наложниц! Самое большее, порезвится с ней денёк-другой и отдаст такому же босоногому голодранцу, как и она сама.

Не унималась и вторая рабыня:

– Конечно, так оно и будет. Была бы она из знатной родовитой семьи – другое дело, а кем же ещё быть дочери бродячего кузнеца, как не наложницей!

Младшая ханум вновь перевернулась на живот, прищулив свои глаза от ослепительных лучей солнца.

– Вы ошибаетесь, ханзада к осени хочет справить свадьбу и сделать её ханум. Однако и мы не будем сидеть сложа руки и придумаем что-нибудь такое, чтобы он остыл к молодой токал.

Рабыни удивлённо переглянулись меж собой...

Вдоволь искупавшись в воде и понежившись на солнышке, женщины медленным шагом возвращались домой на лошадях. Вдруг послышался топот приближающихся к ним коней, и они увидели целое конное войско, возникшее на холме. Впереди всех следовал Модэ.

– Так это же ханзада, – сказала одна из перепуганных поначалу рабынь.

Ханум слегка улыбнулась и с нежностью залюбовалась своим супругом. Любое настроение, любое поведение к лицу её суровому возлюбленному. Как он красиво восседает на коне! Ну до чего же сейчас изумительны его движения, когда он снимает с пояса лук, живо вытаскивает стрелу из колчана за спиной и ловко прилаживает её к тетиве. Но почему же они скачут прямо на них, словно пытаясь растоптать их под собой?.. А не в меня ли направляет он свою стрелу?.. Младшая ханум, ничего не понимая, неотрывно смотрела на своего возлюбленного. На мгновение нежное выражение на её лице сменилось испугом, но тут же легкая улыбка заиграла в уголках её губ. Вон оно что... Похоже, не узнал её. Вот он повернул в сторону. Но что это за пронзительный воющий звук, до боли режущий слух?! О Тенгри!.. Неужто муж выстрелил в неё из лука?! Нет! Это невозможно!.. Грудь пронзила щемящая боль, сплошным красным цветом залился, закрутился-завертелся перед её глазами весь мир. Она уже не ощущала тяжести с хрустом впивающихся в её тело тысячи стрел... Перед глазами неотступно стоял Модэ, скакавший куда-то в сторону с луком в руке. Вдруг всё вокруг подернулось зыбкой пеленой, и возникло насмешливое лицо её соперницы – дочери кузнеца, которая готовилась стать ханум:

– Прощай, младшая ханум! Недолго мне придётся утешать ханзаду по поводу твоей потери, – сказала она, злобно усмехаясь при этом. Младшая ханум стала клониться набок, пока не упала с лошади. Краешком глаза увидела убегающего куда-то вдаль тулпара, пронзённого несколькими стрелами. Рабыни попытались было спастись бегством, но и их постигла та же участь, и они сами, и кони под ними стали целью для множества стрел и пали, с раздутыми от ран телами, залитыми кровью с ног до головы...

Все десять рядов тумена перестроились в боевой порядок, выровнялись и шеренга за шеренгой проскакали мимо трупов несчастных женщин. Впереди всех уносился на коне ханзада Модэ.

* * *

Шанрык вошёл в юрту Модэ, почтительно прижав к груди правую руку. Ханзада, сидя на почётном месте на дубленой тигровой шкуре, подложив себе под локоть пуховую подушку, пил кумыс из золотого тостагана, а увидев Шанрыка, подбородком указал на место правее от себя. По всей окружности решетчатых стен юрты – кереге горели светильники. Молодая токал, дочь кузнеца, разливала из большой узорчатой деревянной сабы кумыс. Она подала Шанрыку напиток в серебряном тостагане. Шанрык, неторопливо попивая кумыс, обратился к Модэ:

– Вчерашнее испытание прошло удачно, мой повелитель. Ни один из воинов не замешкался ни на миг. Похоже, сердца у них стали твёрже железа, и жалость теперь им уже неведома.

– Поглядим ещё, – сказал Модэ, всё так же полулежа на локте и не сводя глаз с Шанрыка. – Какие ещё новости?

– Ханием выехал на охоту. На ночлег остановился у каменного родника, завтра будет охотиться на лис.

Модэ призадумался на мгновение и продолжил расспросы:

– Что ещё у тебя там?

– На этом пока всё, мой повелитель.

– Пусть тумен с раннего утра будет готов к походу. Но не вздумай проболтаться об этом ни одной живой душе. Понял?

– Понял, мой повелитель.

– Можешь идти.

Шанрык поклонился и вышел.

* * *

По оврагам и лощинам лесных чащ, росших на холмистых возвышенностях, шли ханские слуги, играя и трубя на сырнях и кернеях, стуча в дауылпазы, выгоняя лис из нор в горных расселинах. Мимо склона горы в сопровождении нукеров с гончими и беркутами ехал на коне хан Туман. Напуганная страшным шумом, извиваясь всем телом, со склона выбежала на открытую равнину лиса. Нукеры закричали зычными голосами:

– Вон, побежала!..

– Лиса выбежала, ханием! Вон!..

Хан Туман развязал длинную верёвку с ног беркута, сидящего на позолоченной подставке-рогатине, сбоку прилаженной к седлу, и снял с его головы клубочок. Приведённая в полную готовность и расправившая крылья ловчая птица замотала шеей из стороны в сторону и издала возбуждённый клёкот. С кличем «ауп-ауп» хан Туман дважды взмахнул рукой, на которой восседал беркут, а затем подбросил его в воздух. Рукавица, вышитая золотым позументом, сверкала на солнце. Беркут взмыл ввысь. И вот, набрав высоту, он заклекотал, завидя добычу, и камнем спикировал вниз. И хан, и его нукеры, поддав ногами коням под брюхо, устремились за лисой. Как ни пыталась рыжая плутовка избежать железных когтей птицы, но беркут впился ей в самый хребет. Тем временем в суетной спешке подоспела и ханская свита. Один из сокольников кубарем скатился с коня и с кличем «кушим-кушим», прицокивая языком, подбежал к беркуту. Хан Туман и его нукеры не скрывали своей радости:

– Пах!.. Пах!.. Пах!..

– Не дал ей и шагу лишнего ступить!..

– Не зря его прозвали Коккуин!..

Кто-то тем временем зашумел, указывая руками вперёд:

– Ещё одна побежала, ханием!

– Вон!..

– Вон, бежит!..

– Ханием, держи птицу! – крикнул один из сокольников, протягивая своего беркута хану Туману.

Тем временем на него прикрикнул второй:

– Эй, не его. Дадим ханием Долыкару!

– Да, очередь за Долыкарой!

Один из сокольников, развязав верёвку с ног беркута, передал его хану Туману, который подставил под когти птицы правую руку, облачённую в плотную рукавицу, и, сняв с головы Долыкары клобучок, подбросил его в воздух с криком «ауп». При этом хан, не отрывая взгляда, засмотрелся-залибовался взмывающим в самое поднебесье беркутом. Увлеченная охотничьим азартом, ханская свита слишком поздно заметила, как откуда-то сбоку к ним подскакало целое войско. А когда ханские нукеры вытащили из ножен свои сабли, то увидели Модэ, который следовал во главе тумена.

– Да это ведь ханзада...

– Ханзада Модэ!.. – вскричали-зашумели нукеры.

Хан Туман недоумевал, для чего сын примчался к нему со всем своим войском. Губы его зашевелились и он начал бормотать себе под нос: «Что он тут делает? Неужто враг подступил к нашим границам?.. А если так, то почему он не прислал гонца?.. Или же... этот щенок затеял какую-то подлость?! А?!» Сын подскакал на расстояние, достигаемое для полёта стрелы, вытащил из-за пояса лук и протянул руку к колчану. Лишь только тогда хану Туману всё стало ясно. И тут ему вспомнились слова его китайки-жены...

Они лежали в постели. Разговор начала жена:

– Ханием, ты не будешь сердиться? Я что-то хочу сказать тебе...

– Говори, – ответил он ей.

– Мне показалось, что у сына твоего Модэ во взгляде затаился какой-то необъяснимый холодок. Ты сам этого не замечал?

– С того времени как умерла его мать, он всё время ходит такой хмурый. Мы – гунны не особо почитаем женщин, но за мать готовы пойти в огонь, не раздумывая. Женщин много, но никто не может заменить мать.

– Не знаю, ханием... А всё же я опасюсь Модэ.

– Да лежи себе и не болтай лишнее. Если уж так боишься... к нам приезжает кушанский хан, отдам ему сына в качестве аманата.

Ворчание жены порядком надоело хану Туману, и он отвернулся от неё.

– Не буду больше, ханием. Только не гневайся на меня, – сказала ему жена, искусно изображая страх и покорность...

– А-а, змеёныш! – очнувшись от воспоминаний, прошипел сквозь зубы хан Туман. – Выходит, отца своего родного решил ужалить!

Лицо его исказилось от гнева, он обнажил саблю и поскакал один против тумена, нависшего над ним всей своей мощью. Часть нукеров бросилась в бегство, остальные застыли как вкопанные, растерянные и поникшие. Что тут поделаешь, бессильный гнев отца разом прервала коричневая стрела, с протяжным воем голодного волка впившаяся ему в грудь, из которой тут же ручьём хлынула тёмная кровь. Хан Туман, принявший таким образом смерть от стрелы, выпущенной из рук родного сына, даже не почувствовал, как шипя, словно змеи, множество стрел принялись жалить его тело. Приподнявшись в

последний миг на стременах, хан Туман тут же упал спиной на круп коня и выронил из руки свою саблю. До слуха его напоследок еле слышно донеслись слова жены: «Я опасаюсь Модэ!..»

* * *

Ханский глашатай ходил по аулам и разносил весть.

После того как сопровождающие его трубачи на кернеях и трубах привлекали внимание собравшегося на эти торжественные звуки народа, слово предоставлялось наконец и самому глашатаю:

– Эй, отважный гуннский народ, сотворённый участием самого владыки Небес Тенгри! Обрати свой слух ко мне! По желанию Тенгри душа хана Тумана вознеслась на небеса, а на золотой трон воссел его законный наследник Модэ!.. Хан Модэ!..

– Тенгри кут!.. – воскликнул народ, прижимая к груди обе руки.

– Хан Модэ!.. – зычным голосом повторил во всеуслышание глашатай.

– Тенгри кут!.. – вновь повторил народ.

– Хан Модэ!..

– Тенгри кут!..

Так трижды провозгласил всенародно глашатай весть о воцелении Модэ на ханский трон, и народ следом за ним троекратно с трепетным почтением выразил своё одобрение. Таким образом в 209 году до нашей эры хан Модэ стал предводителем всех гуннов.

* * *

В ханской ставке на троне с неизменно суровым выражением лица восседал Модэ. Рядом с ним – советники и военачальники, служившие верой и правдой ещё его отцу, его младший брат, приближённые к хану с недавнего времени его жёны и Шанрык-батыр. Не видно было только китаянки – жены Тумана.

– Всё останется по-прежнему, – объявил Модэ, останавливая на каждом из присутствующих свой проникновенно-строгий взгляд. – Я лишь собираюсь внести два изменения. С сегодняшнего дня Шанрык-батыр назначается моим главным визирем. Главный военачальник, отныне ты будешь починаться ему.

Тот прижал правую руку к сердцу и покорно склонил голову:

– Покорно повинуюсь, ханием.

– Прежние жасаулы и кешиктены упраздняются и распускаются. Вместо них из моего тумана будут выделены под моё прямое подчинение тысячи кешиктенов и ещё тысячи жасаулов. А что касается самого тумана, то разделите его на отдельные подразделения и разместите их в разных уголках страны по своему усмотрению. Шанрык-батыр, ты займёшься этим по моему поручению вместе с главным военачальником. Отныне вы оба будете совместно выполнять работу, связанную с организацией войска. Таково моё повеление!

– Покорно повинуюсь, ханием, – с поклоном ответил ему Шанрык. Следом за ним поклонился и главный военачальник.

* * *

Модэ сидел у могилы своей матери и читал молитву. Шевеля губами, хан почти шепотом, взволнованно, задумчиво обращался к покойной:

– Прости меня, матушка, если я был слишком резок в своих действиях. В своё время и отец обошёлся со мной безжалостно, желая убить меня руками кушанского хана. При поддержке Владыки Небес Тенгри мне удалось избежать смерти. Однако я убил отца не из собственной мести, а мстя за народ, по-

страдавший от насилия, учинённого над ним Мын Тъхянем. Если бы отец оставался в живых, то мы ни за что не смогли бы отомстить за наш позор. А я свершу мсть! Клянусь перед тобой, матушка, что мы снова обретём нашу священную обитель – родину, которую издревле населяли наши предки и пращуры! И землю отцов верну, и врага заставлю пасть к своим ногам! Клянусь!..

* * *

В ханской ставке на троне восседал Модэ, по обе стороны от него – советники и военачальники, младший брат, байбише и дочь кузнеца, ставшая младшей ханум.

– Впустите послов! – приказал хан Модэ.

Начальник стражи, стоявший у дверей, живо вышел из дворца и спустя некоторое время привёл троих послов, возглавляемых рослым густобородым мужчиной средних лет. Медленным шагом троица прошла к центру тронного зала и, приложив руки к груди, поклонилась хану.

– Хан Модэ, взошедший на трон по воле Владыки Небес Тенгри! – обратился к нему густобородый. – Мы явились сюда поздравить тебя от имени правителя всего татарского народа, правого oka Тенгри, великого и высокочтимого всеми нами хана Кужулука. При благословении Луны и Солнца преумножь славу своего народа, и да будешь ты им почитаем и уважаем, пусть слава твоя возносится до небес.

– Тенгри кут! – произнёс в ответ хан Модэ.

Густобородый обвёл всех присутствующих во дворце взглядом, пытливо глянул на Шанрыка и остановил свой взор на молодой токал Модэ. После этого продолжил свою речь:

– Великий и высокочтимый хан Кужулук передает тебе особый привет. У него к тебе есть одна просьба, хан Модэ.

Суровое лицо Модэ слегка побледнело:

– Говори.

Густобородый посол пошевелил плечами, немного помедлил, собираясь с духом, затем, глядя прямо в глаза Модэ, решительно произнёс:

– Вот каково послание нашего хана: «Покойный хан Туман был мне другом, пусть подарит одного из двух лучших скакунов, оставшихся после него, дабы я мог, глядя на этого коня, вспоминать и о его седоке, и чтобы он был моим крылом на старости лет. Хан Модэ ещё молод, и если будет на то воля самого Тенгри, то успеет ещё обзавестись многими тулпарами».

Присутствующие возмущённо заёрзали на своих местах, устремляя вопрошительные взгляды то на Модэ, то на татарского посла. Молодой же хан был абсолютно спокоен и сдержан, ни единый нерв не дернулся на его суровом и непроницаемом лице:

– Какого из скакунов хочет выбрать себе татарский хан?

– Наш хан просит любимца покойного хана Тумана – Цяньлиму.

Тут присутствующие возбуждённо заговорили: одни с нескрываемым удивлением, другие с насмешкой, а третьи, бросая друг на друга испуганные взгляды:

– Что он требует?!

– Тулпара, который пятьсот вёрст в день покрывает?!

– Это же издевательство!

– Или же испытывает наше терпение?!

Модэ поднял правую руку вверх, призывая всех сохранять спокойствие и порядок. Тишина воцарилась в ставке. Модэ даже бровью не повёл на заявления посла:

– О чём ещё просит татарский хан?

Густобородого ничуть не смутило то, что эти слова могут разгневать гуннов. Держался он чересчур вызывающе и самонадеянно:

– У великого и высокочтимого хана Кужулука других просьб нет, хан Модэ.

– Ответ получите после полудня, – сказал послу Модэ. Затем повернулся к главному стражнику. – Гости устали с дороги, пусть покушают и отдохнут.

Послы откланялись, и начальник стражи проводил их из дворца. Модэ обратился к присутствующим:

– Что скажете на это? Слово тебе, главный советник.

Главный советник с обросшей бородой и выдающимся носом, обычно высказывавший своё мнение неторопливо и тщательно обдумав, на этот раз ответил на удивление быстро:

– Ханием, не знаю, то ли по простоте души, то ли по необдуманности попросил татарский хан у нас самого резвого нашего скакуна, радовавшего весь народ, однако, какими бы родственными узами мы не были связаны с ним, отдавать Цяньлиму вряд ли стоит. Дружба тоже имеет свои пределы, и татарский хан должен отдавать себе отчёт в том, что подобная просьба оскорбительна для всего нашего народа. Таково моё мнение, ханием.

– Главный военачальник, а что ты думаешь на этот счёт?

Хотя главный военачальник был уже в летах, но своим грозным видом всё ещё вызывал у многих трепет. Говорил он горячо и страстно, с чувством оскорблённого достоинства:

– Ханием, то, что мы соседи, и то, что мы родственны друг другу, это правда, но это не означает, что татарский хан имеет право вести себя так нагло. Цяньлима гордость не только хана, но и всего нашего народа, его достояние и сокровище! В своё время и китайский император просил его у нас, но хан Туман отказал ему. Татарский хан хорошо знает об этом, так неужели он возмнил себя превыше правителя Поднебесной?! Похоже, не тулпар ему нужен, а повод? Почему бы нам не спросить об этом у посла, ханием?

– Что скажет главный визирь?

Похоже, слова посла не прилипли по душе и Шанрыку, но горячиться он не стал, говорил как-то сдержанно, однако при этом ничего по существу так и не сказал:

– Два скакуна, оставшиеся в наследство от хана Тумана, и вправду достояние всего нашего народа, ханием. Но поводья власти находятся в твоих руках, так что тебе и решать. Для меня твоё слово – закон.

– Что скажут остальные?

Присутствующие стали высказывать свои мнения по очереди:

– Отдавать нельзя!

– Пусть не испытывает наше терпение! Не отдадим!

– Татарский хан понимает дружбу слишком уж однобоко! Выходит, он ни во что нас не ставит?!

– Не отдадим!

Только младший брат Модэ имел на этот счёт совершенно другое мнение. По его виду можно было понять, как безгранично верит он своему старшему брату и что он никогда не примет решение самостоятельно:

– Ханием, для меня не имеет цены ни тулпар, ни что-то ещё другое, ни даже собственная жизнь, как ты решишь, так оно и будет.

Смотрел он на старшего брата с нежностью, а из очей его струилась безграничная вера и преданность, которая окрыляла его душу.

Модэ обвёл взглядом всех присутствующих в ставке. Главный советник сохранял степенный вид, главный военачальник не скрывал своего гнева, задумчив и встревожен был Шанрык-батыр, все остальные насупили брови. И только младший брат Модэ выглядел добродушным и приветливым. «Правитель соседнего народа решил испытать молодого хана, так чем же ответит Модэ на подобную выходку?» Все сидели, потеряв всякое терпение. Модэ долго ждать себя не заставил:

— Помните о том, что мы не только соседи, наряду с этим мы являемся потомками единого предка, братскими народами, мы — народ, разделившийся на несколько ханств, корень у нас один, происхождение у нас общее. И язык, и обычаи у нас одинаковые. Возможно, не захотелось Владыке Небес Тенгри объединить нас всех воедино и образовать одну большую страну — орду, но всё же ума и сил на то, чтобы жить между собой в мире и согласии, у нас предостаточно. Давайте выполним просьбу татарского хана.

Решение Модэ задело всех за живое. Все вдруг зашумели:

— Как это так?!

— Неужто и вправду отдадим Цяньлиму?!

— Какая жалость!

Модэ снова поднял руку вверх, призывая всех к тишине:

— Меня сейчас больше всего волнует мир и спокойствие нашего народа, а не обида и не чувство оскорблённого достоинства. Нам дороже дружба и согласие, а не спесь и похвальба. Не стоит нам отвергать просьбу хана, правящего целым народом, негоже обижать отказом родственников из-за животного, которого может задрать и волк. Пускай забирают Цяньлиму!

Все безмолвно застыли, сидя с поникшими головами. Только Шанрык-батыр спокоен и невозмутим, не было на лице его ни тени огорчения. У младшего брата в глазах горели искорки радости, он пребывал в хорошем расположении духа...

Конюх вывел Цяньлиму из конюшни, снял с него уздечку и сбрую, и тут же один из конюших татарского посла быстро накинул на скакуна свою уздечку. Посол и его окружение не скрывали своего ликования и радости.

— Великолепный аргамак! — воскликнул с искренним восхищением посол.

Люди, сопровождающие его, дружно поддержали слова своего начальника:

— На таком аргамাকে достоин ездить лишь хан ханов!

— Теперь он обрёл своего истинного хозяина.

— Ха-ха-ха-ха!

Посол и его свита лёгкой нарысью увели за собой тулпара. Уже выехав за пределы аула, они с гиканьем пустились вскачь. Конюх смотрел им вслед и, стиснув зубы, недовольно качал головой.

* * *

В юрте китаянки — вдовы хана Тумана за низким круглым столом на почетном месте возлежал на перине, подложив под локот пуховую шёлковую подушку, Модэ и пил вино из золотого тостагана. Мачеха сидела напротив и всё никак не могла улучшить момент, чтобы подлить в вино яду из маленького пузырька, припрятанного под столом возле ног, то и дело суетливо запуская туда руки и вновь оттуда их убирая. Сама при этом пыталась отвлечь Модэ разговорами.

— Ханием, я всё искала повода переговорить с тобой наедине — меня волнует судьба твоего младшего брата. Он образован, знает в совершенстве китайский язык, и не найдётся никого другого, кто бы мог свободно и непринуждённо вести

переговоры с китайскими послами Срединного царства. Никто, кроме него, не достоин также быть и послом гуннов в Поднебесной. Но, несмотря на это, ты не нашёл в своей ставке достойного для своего брата занятия. Мне кажется, было бы правильно, если бы ты уже с этих пор прививал бы ему навыки управления народом. Или же ты связываешь с ним другие планы?

Модэ молча осушил тостаган до дна и вновь протянул его мачехе, продолжая сидеть по своему обыкновению всё так же неприкаянно, не выражая никаких чувств. Женщина всё никак не могла изловчиться, чтобы незаметно вытащить заветный пузырь с ядом, поэтому ей не оставалось ничего другого, как вновь наполнить тостаган вином и с почтительным поклоном предложить его пасынку. Приняв из её рук напиток, Модэ отглотнул из него и наконец заговорил:

– Если Тенгри будет угодно призвать меня к себе, а наследник трона, старший мой сын Кюен, будет к тому времени всё ещё молод, то место по праву займёт мой младший брат. А вот отчего мне суждено будет принять смерть – от яда или от чего-то другого, про то никому, кроме Владыки Небес Тенгри, неведомо.

Женщина оказалась в явном замешательстве. Модэ вдруг резко стянул со столика скатерть, слегка наклонился вперёд и, схватив пузырёк, припрятанный у мачехи между ног, полностью вылил из него синеватого цвета жидкость прямо в тостаган, почти до краёв наполненный вином. Затем взял чашу обеими руками и залпом осушил её содержимое. Мачеха уставилась на Модэ, вытаращив глаза от изумления. Тот сидел, вперив в неё свой суровый взгляд, как ни в чём не бывало, словно не яд он выпил, а воду. Вдруг уголки его губ растянулись в усмешке и он громко рассмеялся. Мачеха, уперевшись руками оземь, отползла от столика и дрожащим голосом крикнула:

– Эй! Эй, евнух!

Из-за занавески, висевшей в углу юрты, тут же выскочил здоровенный немой евнух и с кинжалом в руке набросился на Модэ. Молодой хан молниеносно вскочил с места. Они схватились друг с другом, и между ними завязалась борьба. Спустя миг Модэ вывернул одну руку евнуха за спину, а другой его рукой, перехваченной за кисть, всадил ему в грудь его же нож. Евнух закатил глаза и, запрокинув голову, последний раз дёрнулся всем телом в предсмертной агонии. Модэ ногой отпихнул безжизненное тело поближе к двери. Токал покойного отца Модэ испуганно отползла задом к своей постели. Модэ вновь вернулся на своё место и вперил свой гневный взгляд в женщину.

– Налей вина! – грозным голосом приказал он ей.

Не в силах встать с места, женщина растерянно подползла к столику, трясущимися руками схватила кувшин и, дрожа от страха, наполнила тостаган вином. Модэ своими длинными и цепкими пальцами крепко сжал чашу и принялся медленно отпивать из него напиток. При этом он не сводил глаз с вдовы своего отца:

– Что, своего сына хотела посадить на трон?! – с гневным упрёком крикнул он ей. Женщина сидела, виновато опустив голову и молча уткнувшись взглядом в пол. При этом лицо её побледнело. Модэ заговорил с ней вновь: – Твой сын – мой младший брат, второй сын хана Тумана. И для меня, и для всего гуннского народа неважно, кто его родил на свет белый: ты или какая-нибудь другая женщина.

Вдова-китайка подняла голову, бросила взгляд в сторону Модэ, но, испугавшись встретиться с ним взглядом, тут же склонила голову и заревела:

– Прости, ханием! Покорно понесу от тебя любое наказание, только прости своего брата, он ни в чём не виноват перед тобой!

Модэ, всё ещё не уняв свой гнев, медленно цедил вино из тостагана:

– Для того, чтобы править народом, недостаточно родиться ханским сыном. Для этого перво-наперво нужны покровительство и поддержка Владыки Небес Тенгри, а потом уже надо иметь жар сердца и ясность ума. Возможно, качества эти передаются с молоком матери?

Лицо женщины вдруг исказилось выражением злобной обиды. Но одновременно всё ещё отражался страх. Она то бледнела, то краснела, но так и не могла вымолвить ни слова.

Губы Модэ скривились в горькой усмешке:

– Говори же, чего уж теперь молчать.

– Возможно, это мои последние слова. Но ваша гуннская пословица гласит: «Лучше лишиться головы, чем промолчать напоследок!» Не смей унижать меня, хан Модэ! Хотя твоя мать, дочь степного княжича, и благородных кровей, но ведь я выросла во дворце самого Сына Неба! И мой сын получил воспитание не хуже твоего!

При этих словах перед мысленным взором Модэ возникла красавица-дочь Длинного Хяня, изящными движениями наливающая ему вино, а в ушах слышался её нежный серебристый голос... Осушив до дна тостаган, он поставил его на стол и поднялся с места:

– Закопай труп тайком, чтобы никто не видел.

Женщина, удивлённо вытаращив глаза, проводила его долгим взглядом. Тот вышел из юрты и даже не обернулся. Неподалёку у коновязи стояли нукеры, которые, завидев хана, отвязали его коня и пошли к нему навстречу.

* * *

Во дворце хана на троне сидел Модэ, по обе стороны от него – советники и военачальники, младший брат, байбише и младшая ханум. Явились те же три посла и согласно дворцовому этикету оказали поклонами своё уважение и почтение к хану. Густобородый обратился к Модэ с официальным приветствием:

– Хан Модэ, удостоенный внимания и благорасположения Владыки Небес Тенгри! Великий и высокочтимый правитель татарского народа Кужулук хан желает тебе здравствовать долгие лета!

– Тенгри кут! – молвил в ответ Модэ. – Ну, говорите, с чем к нам пожаловали.

– Наш хан шлёт тебе большой привет. У него к тебе имеется ещё одна просьба, которую, как он верит, ты не отвергнешь.

– Излагай.

Посол бросил взгляд на молодую токал и после короткого молчания продолжил дальше:

– Великий и высокочтимый хан Кужулук уже постарел, нужна молодая кровь, чтобы растирать ему ноги. Поэтому он попросил передать такие слова: «У хана Модэ вся жизнь впереди, многих красавиц ему придётся ещё сжимать в своих объятиях, пусть исполнит мою просьбу и отдаст мне в жёны свою молодую токал!»

Присутствующие заметно заволновались:

– Что за вздор он несёт?!

– Да это ведь неслыханная дерзость!

– Голову с их плеч долой!

Младший брат Модэ, никогда не вмешивавшийся в скандалы и споры, удивлённо возрился на послов. Главный военачальник потянулся рукой к сабле, но увидев, как сдержан и невозмутим Модэ, с трудом удержался от того, чтобы не наброситься на послов, которых готов был испепелить своим взглядом. Тело его при этом сотряслось от дрожи, а сам он чуть не задохнулся

от гнева. Сердито насупил брови и Шанрык-батыр. Главный советник заёрзал на месте, с тревожным предчувствием попеременно поглядывая то на Модэ, то на послов. На лице старшей ханум застыла некая злорадная усмешка, похоже, в душе она надсмехалась то ли над послами, то ли над своей соперницей. Младшая ханум смотрела на послов враждебно и с открытой неприязнью. Что же до посланников татарского хана, то они вели себя с открытой непосредственностью и без тени смущения, словно просили отдать им не ханум целого народа, а какую-то ничтожную рабыню, чей удел стоять у порога ханского дворца.

Модэ, ни единым нервом не выдав своих чувств, кивнул головой главному стражнику:

– Пусть гости отдохнут с дороги, ответ дадим после обеда.

– Будет исполнено, таксыр!

Послы, ехидно ухмыляясь, последовали за главным стражником.

Модэ обратился с вопросами к присутствующим:

– Что скажешь, главный советник?

Тот, не долго мешкая, ответил:

– Становится понятно, что татарский хан ищет повода начать войну, ханием. Неслыханное это дело, чтобы хоть сейчас, хоть в прежние времена правитель просил у соседнего властителя отдать себе в жёны его жену! Вчера у нас выпросили тулпара, который являлся отрадой всего нашего народа, сегодня из объятий нашего хана вырывают токал, а что потребуют у нас завтра? Это лишь повод начать с нами войну! Надо отрубить послам головы и выступить в поход против татар!

– Слово тебе, главный военачальник.

Тот задыхался от гнева, распиравшего ему грудь. Он почти не сдерживал себя от негодования, словно обращался не к Модэ, а к самому татарскому хану:

– Не надо было в прошлый раз отдавать тулпара, ханием. Именно после этого хан Кужулук возгордился не на шутку и вконец распоясался! И то, что он просит у тебя ханум, свидетельствует о том, что он не ставит тебя ни во что, и как хана, и как мужчину. Наверное, он полагает, что ты будешь согласен на любые уступки, что бы он у тебя ни потребовал. С такой дерзкой наглостью и безобразием мириться дальше нельзя! Надо немедленно идти на него войной!

Модэ обернулся к Шанрыку:

– А что ты скажешь, главный визирь?

Шанрык был мрачнее тучи, однако горячиться не стал, стараясь говорить степенно и взвешенно:

– Ханием, татарский хан даёт нам весьма прозрачный намёк, что относится к нам наплевательски. Верно тут говорили и главный советник, и главный военачальник. Когда в прошлый раз мы отдали Цяньлиму, весть эта распространилась по всей великой степи. Соседние народы восприняли это так, будто мы боимся татар. А теперь у нас ещё просят отдать им ханум. Выказывая нам своё такое развязное поведение, они тем самым считают нас зависимыми от них, а раз так, то могут всячески оскорблять честь и достоинство всего нашего народа, и, если задуматься поглубже, то это повод развязать с нами войну. Мы готовы к войне, войска наши стоят наготове. Советовать тебе, отдавать ли свою токал, не стану, но каким бы ни было твоё решение, я его всегда поддержу.

Модэ бросил свой вопросительный взгляд на младшего брата.

– А что ты скажешь, ханзада?

Он тоже сидел в нервном напряжении, в голосе его звучали тревожные нотки:

– Ханием, татарский хан хочет властвовать над нами. И это намерение надо пресечь на корню. Однако я не могу тебе указывать, что делать и как поступать, ты сам всё решаешь.

Модэ обвёл всех присутствующих испытующим и внимательным взглядом и, хотя на лице его не было заметно следов раздумий и переживаний, он без колебаний объявил своё решение:

– Между братскими народами не должно быть раздоров и распрей, так что давайте удовлетворим просьбу хана Кужулука. Я найду ещё себе жену, да и младшая ханум уходит туда не рабыней, а царственной особой. Не будем разжигать вражду между нами из-за одной женщины. Пусть забирают ханум!

В ставке воцарилось гробовое молчание: главный советник задумался, главный военачальник насупился, давая понять, что недоволен решением, Шанрык был суров, но лицо его не выдавало никаких чувств. Злорадная ухмылка всё ещё не сошла с лица старшей ханум, а из глаз младшей ханум капали слёзы, она сидела молча, не поднимая головы, объятая сильной печалью.

* * *

В отшельничьей келье тибетского мудреца возле Модэ сидели его младший брат и Шанрык. Они беседовали с мудрецом.

– Слышал, будто бы ханзада обучен китайской грамоте? – спросил тибетец. – Наверное, умеет и читать, и писать?

– То, что я обучен письму, правда, – ответил ханзада.

– Хан Модэ, с твоего разрешения, хотелось бы поработать с ханзадой. Если всё сложится удачно, попытаемся создать гуннскую письменность.

– А зачем что-то изобретать заново? Мой брат уже знает китайское письмо, разве этого не достаточно?

– Китайское письмо слишком сложное, каждое понятие в нём обозначается отдельно и потому обучиться ему трудно. Я думаю совсем о другом, хан Модэ.

– Говори.

Мудрец по очереди обвёл их взглядом, затем прокашлялся и жестом дал знак одному из своих учеников, который сидел поодаль на корточках. Тот живо поднялся с места, принёс сделанную из древесной коры бумагу, свёрнутую в свиток, пузырёк с чернилами и гусиное перо и подал их своему наставнику:

– Вот в чём трудность китайского письма, хан Модэ. На свете есть множество разных понятий, с каждым годом значение и содержание их расширяется или изменяется, появляются новые понятия, и для каждого из них надо придумывать свой значок – иероглиф. Запомнить их все очень трудно, а сохранившиеся значки устаревших понятий и названий, которые давно вышли из обихода, порой не может прочитать никто из ныне живущих. Значки, придуманные одними грамотеями, могут быть сплошной загадкой для других. И вполне возможно появление людей, чью писанину не сможет прочесть никто, кроме них самих.

В разговор вмешался Шанрык:

– Что же получается, все, кто знает китайское письмо, тот умён, а остальные, выходит, дураки?

Возмущённые слова, грубо сказанные Шанрыком, мудрец пропустил мимо ушей:

– Вопрос не в этом, Шанрык-батыр, я говорю о том, что китайское письмо громоздкое, неуклюжее и неудобное. А что, если мы придумаем значки не для каждого слова, как это делают китайцы, а для каждого звука?

Модэ сидел всё с таким же непроницаемым лицом и виду не подал, что ничего из сказанного мудрецом не понял. Оживился лишь один ханзада:

– Как это? Но ведь и звуков тоже много?

Мудрец, чьё хмурое лицо почти никогда не выражало каких-либо эмоций, как будто слегка улыбнулся:

– Да, ханзада, звуков на самом деле тоже немало, но в каждом отдельно взятом слове звуков не так уж и много.

– Интересно! – оживился ханзада, взглянув вначале на мудреца, а затем на Модэ и Шанрыка.

– Напишем, к примеру, вот это слово, – начал пояснять мудрец и принялся чертить на бумаге какие-то рунические знаки, похожие на орхоно-енисейское письмо. – Пусть это будет слово «хан». Из сколько звуков состоит это слово?

– «Хан!» Конечно из одного звука, – сердито воскликнул Шанрык, словно говоря, нашёл, мол, о чём спрашивать.

– А ты попробуй произнести это слово раздельно.

– Как его можно поделить?! Всего лишь один звук! «Хан».

– Нет, Шанрык-батыр, «хы-а-ын»... Три звука.

Шанрык и ханзада разинули рты от удивления. Лишь Модэ не выдал никаких чувств, внешне оставаясь безучастным.

Мудрец продолжил свои рассуждения:

– Ну а теперь напомним слово «ханзада». Вот. Вот этот значок обозначает звук «хы», этот – «а», а этот – «эн». Прибавим к ним слово «зада». Если «зы» мы обозначим таким значком, то звук «а» у нас уже есть. Остаётся лишь добавить звук «ды».

Ханзада, крайне удивлённый, смотрел на мудреца с широко раскрытыми глазами.

– Дивно! – воскликнул он, не скрывая своей симпатии к мудрецу. – Если мы сможем довести это дело до конца, то гуннское письмо станет намного лучше китайской грамоты!

Шанрыку разговор этот был явно не по душе. Недовольно морщась, он сказал мудрецу:

– У гуннов и слов много, и звуков достаточно. И ты хочешь каждый из них обозначить отдельными значками? Да кто это поймёт?

Это наконец-то понял Модэ. Он взыскательно посмотрел на мудреца и задал ему короткий вопрос:

– А сколько звуков в гуннской речи?

– Немного. По моим подсчётам где-то около тридцати. Возможно, дойдёт и до сорока.

Шанрык вновь попытался как-то приструнить, осадить мудреца:

– Ты полагаешь, что наш язык настолько беден?!

В глазах мудреца вспыхнула лукавая искорка насмешки и тут же погасла. Он начал объяснять ему, как ребёнку, которого учат, назидательным тоном:

– В словах любого народа звуков бывает мало, Шанрык-батыр. Но это вовсе не означает, что язык их скуден. И малым числом звуков можно сказать очень много слов. Это называют богатством языка. Богатство языка зависит от жизненного уклада каждого народа, от окружающей его природы, от того, как он познаёт этот мир. Например, понятия, связанные с выращиванием скота, имеют свои названия, а названия, связанные с земледелием, совершенно другие. Однако все эти слова состоят из определённых звуков. Вот только надо их внимательно изучить, разобрать и привести в какой-то упорядоченный вид.

– Сколько времени потребуется для этого?

– Никто не может знать об этом точно, ханием. Я собираюсь со своими учениками взять это дело в свои руки. Но мне потребуется помощь. Китайцы давно научились изготавливать бумагу, однако секреты её изготовления держат в строжайшей тайне, и для многих людей она недоступна и не по средствам. Было бы хорошо, если бы ты помог достать нам хорошую кипу бумаги.

Модэ вперил в своего брата вопросительный взгляд, но ханзада сам уже сгорал от нетерпения:

– Ханием, поручи мне это задание. Во дворце Сына Неба много знакомых моей матери, возможно, от них будет польза. Мне бы, кстати, очень хотелось взяться за эту нужное и важное дело, для меня было бы большой честью принять участие в создании нашей собственной письменности.

– Даю тебе разрешение. – Теперь Модэ обернулся к мудрецу. – Ты говоришь, что письму обучиться довольно легко, но какая нам польза от того, что кто попало может освоить это умение?

Мудрец как будто усмехнулся ещё раз:

– Я понимаю, что ты думаешь об осторожности, хан Модэ. Однако никто сам по себе не сможет научиться писать и читать, если его никто специально не будет обучать этому. А в ученики мы будем отбирать лишь только верных и проверенных людей. Вначале нам надо привести в надлежащий и окончательный вид саму письменность, и уж потом мы подумаем над тем, кого нам нужно обучать. Надеюсь, ханзада будет с нами от начала до конца?

– Хорошо, – поднялся с места Модэ. Следом встали и ханзада с Шанрыком. – Пусть в этом необходимом начинании вас поддержит Владыка Небес Тенгри.

* * *

В ханской ставке находились всё те же приближённые хана, вот только среди них не было отданной в жены татарскому хану младшей ханум. Во дворце стояли те же самые послы. Сидящие в тронном зале посматривали на них враждебно, но татарских посланников это вовсе не смущало. Уверенные в себе, они стояли, не испытывая никакого страха. Только Модэ, в отличие от своей свиты, сохранял спокойствие, восседая на троне, словно ничего и не произошло:

– Говорите, послы, какой привет нам передаёт на сей раз татарский хан?

Густобородый посол начал свою речь торжественно, чётко и веско выговаривая каждое слово:

– Хан Модэ, удостоенный внимания и благорасположения Владыки Небес Тенгри! Великий и высокочтимый правитель татарского народа Кужулук хан желает тебе здравствовать долгие лета! Между двумя нашими землями располагается такыр, на котором ни трава не растёт, ни вода не течёт, и хотя он принадлежит вам, но вы никогда не пасли там скот и не зимовали. Хан просит у тебя этот такыр, всё равно он лежит бесхозный, никем не используемый.

Ханское окружение, сохраняя молчание, смотрело на то, как Модэ отреагирует на очередную просьбу татар:

– Чего ещё от меня хочет хан Кужулук?

– Больше ничего, хан Модэ.

– Идите отдохните, ответ получите после обеда.

Начальник стражи указал послам в сторону выхода. Они прошли туда уверенным шагом. Модэ кивнул подбородком своим приближённым:

– Ну, что скажете на это?

Ханское окружение сидело с безразличным видом, наверное, думая, что обязаны не разочаровывать татарского хана, чего бы он у них не попросил. Никто не собирался выражать своё несогласие или возмущение. «Ну, а что поделать,

раз уж хан, не колеблясь, отдал знаменитого скакуна, слава о котором прошла по всей степи и далеко за её пределами, по ту сторону Великой стены, где о нём с восхищением рассказывали друг другу сами китайцы, которого не отдавал никому хан Туман, сколько бы соседних правителей не умоляли его об этом! Если уж Модэ безо всяких на то причин оттолкнул от своих объятий жену и уступил её татарскому хану! Что ему теперь покрытая пылью пустующая земля, которая не имеет никакой цены! Скажешь ему отдай – отдаст, скажешь не отдавай, всё равно отдаст, наверняка побаивается татарского хана и совсем уж, похоже, руки опустил! Видать, нашему хану, которого мы считали и молодым, и преисполненным решимости, не по силам ничего, кроме жестокости. Несчастные гунны, беда не хочет покидать ваши пределы!»

– Говори, главный советник!

– Не слишком ли часто, ханием, обращается к нам с просьбами татарский хан? самого резвого скакуна отдали, ханум отдали, теперь просит клочок приграничной земли, давайте и её отдадим. Вот только одного не знаю, чего он ещё попросит через месяц.

– Этого не знает никто, кроме Владыки Небес Тенгри. Говори по существу.

– Если говорить по существу, всё-таки к нам обращается правитель соседней и к тому же братской страны, так почему же ему не уступить пустующий кусок земли? Отдадим!

Модэ вперил взгляд на сидевшего рядом с ним главного военачальника:

– Главный военачальник, а ты что скажешь?

– Что тут говорить. И я так же думаю – не будем обижать отказом соседа, отдадим.

Теперь Модэ устремил свой взор к Шанрыку:

– Твои соображения, главный визирь?

Шанрык заговорил горячо и страстно:

– Ханием, то, что татарский хан просит землю, это уж слишком. Похоже, он чересчур зарвался. Тулпара взял, ханум взял, теперь собирается забрать у нас землю, а кто поручится, что потом он не попросит нас склониться к его стопам?! Нельзя отдавать!

Модэ остановил свой взгляд на брате:

– Что думает об этом ханзада?

Тот, сохраняя неизменно приподнятое настроение, ответил тотчас, не мешкая:

– Не отдадим, ханием. Если тулпара себе когда-то выбрал для выезда отец, а ханум избрал ты по велению своего сердца, то землю никто не выбирал. Тенгри отдал её в дар нашему народу, поэтому просьба татарского хана противоречит воле самого Тенгри. Отдавать её нельзя!

– А что скажут остальные?

Придворные, присутствовавшие на совете, говорили с каким-то равнодушным, безучастным отношением к обсуждаемому вопросу:

– Раз уж земля эта пустует, то надо отдать её.

– Будет правильно поступить именно так.

– Решай сам, ханием.

– Мы лишь в твоей власти.

– Твоё слово для нас – закон.

Модэ ещё раз обвёл всех внимательным взглядом и поднялся с трона:

– Избранные сыны гуннского народа, мои мудрые и отважные соратники, правящие народом и командующие войсками! Теперь послушайте меня. Для того, чтобы быть для страны опорой, а для народа вождём, нужны не только ум и отвага, необходимо также обладать хитростью и прозорливостью. Ну а какой же

прок и польза от правителя, какие надежды можно на него возлагать, если он наперёд не думает о том, что может произойти и через три дня, и через три года!

Придворные заёрзали на своих местах. Куда это клонит наш хан? Сколько народу готовы были умереть со стыда, когда он без всяких возражений отдал самого лучшего скакуна, которым так гордился весь народ, и когда он безропотно и без колебаний позволил увести, как верблюжонка на поводу, свою прекрасную, пусть и выпешшую из черни, младшую ханум! И почему вдруг теперь, не пожалев того, что действительно отдавать жалко, он обеими руками уцепился за голый такыр, на котором и скотина не пасётся, и народ не живёт? Весьма странное поведение!

А Модэ грозно нахмурил брови и, дав волю своему гневу, заговорил вдруг резко и весьма сурово:

– Главный советник! На твои слова о том, что не знаешь, каких действий следует ожидать в скором времени от татарского хана, я ответил тебе, что этого не знает никто, кроме Владыки Небес Тенгри. Утверждая это, я имел в виду не то, что он задумал, а то, что у меня на этот счёт может быть другое мнение. А ты этого не понял. Главный советник обязан думать о том, что происходит сейчас, и предполагать, что может произойти в будущем! В первую очередь ты должен был предвидеть, о чём думает твой собственный хан, ведь столько лет участвуешь в делах управления народом. Или же ты относишься ко мне с полным пренебрежением?!

Главный советник удивлённо вытаращил глаза, недоумевая, хан ли это ему говорит или кто-то другой, и спустя мгновение лицо его побледнело, а ресницы захлопали от растерянности. Теперь Модэ обернулся к главному военачальнику. Тот смотрел на него прямо, с застывшим в глазах немым вопросом: «В чём же ты собираешься обвинить меня?»

– Главный военачальник! Под твоим началом все войска страны, ты сам руководишь всеми военными делами. Ты обязан знать обо всём, что касается наших соседей: сколько сабель они могут выставить против нас, насколько хорошо они вооружены, подготовлены и обеспечены конями и обозом, готовы ли воевать с нами или нет! Почему ты наперёд не подумал о том, что татарский хан испытывает нас, может пойти на нас войной, если мы будем отвергать его претензии, но так как мы всё время шли ему на уступки, то сейчас он начал упиваться своим мнимым превосходством?! Ты ещё в самом начале рвался пойти на них войной, а теперь даже голоса твоего не слышно?! Или же ты не знаешь, в каких именно случаях удобнее всего пойти войной на врага? Какая польза от такого военачальника?!

Главного военачальника распирало от злости, сильное возбуждение охватило его, однако не осмелился он что-либо возразить в ответ на упреки хана. Тяжело пыхтя от одышки, он готов был взорваться от возмущения.

Модэ продолжил говорить дальше:

– Или же вы думали, что Цяньлима для меня не имеет никакой ценности? А младшая ханум была не чьей-нибудь, а моей женой! Я пожертвовал обоими. То, что татарский хан ликует от гордости, а другие ханы за глаза надсмехаются над нами, задело прежде всего мою собственную честь. Но мир для нашей страны, спокойствие для нашего народа для меня были превыше всего. Это нужно было не только нам, но и всем кочевым народам. Кто-нибудь из вас задумался об этом?!

Он ещё раз обвёл всех своим пытливым взглядом. Главный советник окончательно поник головой. Грудь главного военачальника тяжело вздымалась словно кузнечные мехи, а плечи ходили ходуном то вниз, то вверх, однако он был не в силах посмотреть Модэ прямо в глаза и всё время отводил от него свой

взгляд. Шанрык застыл как вкопанный и внешне не выражал никакого волнения. Ханзада смотрел на старшего брата одновременно с восхищением и удивлением.

— Я действительно говорил о единстве и согласии между всеми нашими родственными народами. Однако такое единство нам совсем не нужно. Чем иметь такого соседа, такого сородича, который постоянно испытывает твоё терпение, подзуживает, издевается над тобой, дразнит и при случае не прочь обратить тебя в клеймённого раба, лучше уж встретиться в открытом бою лицом к лицу с сильным, хорошо вооружённым врагом! Татарский хан позабыл и о родстве, и о соседстве с нами, относится к нам с враждебным умыслом. Мы отдали ему Цяньлиму, хоть скакун он и великолепный, но всё же лошадь есть лошадь, не желая из-за одного животного враждовать с братским народом и проливать кровь друг друга. Но этого оказалось мало. Словно у поверженного в бою врага, потребовал у меня мою жену, которую я ласкал в своих объятиях, но рассудив, что она всего-навсего женщина и для меня найдётся ещё какая-нибудь красавица на нашей земле, отдал и её. А он всё не унимается. И вот теперь просит отдать ещё и нашу землю. Просьба отдать землю сродни просьбе отдать всю страну! Если мы отдадим землю, сотворённую самим Владыкой Небес Тенгри, то что же у нас тогда останется?!

Когда он резко замолчал, сказав эти веские сокровенные слова с горечью и гневом, в ставке воцарилась гробовая тишина. Такое чрезмерно возбуждённое состояние хана не предвещало ничего хорошего; чью же голову отсечёт сейчас занесённая им кровавая сабля? Похоже, над главным советником и главным военачальником такая угроза уже нависла.

— Забрав тулпара, на котором никто кроме моего отца не ездил, выпросив мою бабу, которая не знала никакого другого мужчину, кроме меня, он тем самым отнёсся ко мне с полным презрением, как к хану, как к обычному человеку и как к мужчине, рождённому сыну своего отца, но я уступил ему, несмотря на то, что являюсь правителем целой страны. Ну, а попросив отдать ему землю, он оскорбил не только меня, но и весь наш народ, пытаясь расшатать основу нашего ханства и разрушить целостность нашего государства! С этим мириться мы больше не станем! Пусть земля наша со стельку, но не позволим чужим стопам топтать её! Земля — основа государства! Почему вы не можете понять этого?! Стража!

— Ляппай, таксыр! — отозвался, резко вскочив с места, начальник стражи.

— Всем, кто говорил отдать землю, начиная с главного советника и главного военачальника, отрубить головы! Всем до единого!

— Ляппай, ханием!

— Послов повесить немедленно!

Начальник стражи вытащил из-за пояса кинжал и его рукоятью ударил разок-другой по висевшему у входа в ставку гонгу. В тронный зал мигом вбежали несколько жасаулов и схватив за руки четверых людей, на которых пальцем указал их начальник, выволокли их наружу.

Модэ поднял руку, призывая придворных успокоиться:

— Вместо главного советника в ставке останется ханзада. Шанрык-батыр, немедленно выступаем в поход!

— Ляппай, ханием! — приложив правую руку к груди и склонив голову, ответил ханзада. Шанрык повторил за ним тот же жест.

Перевод с казахского Романа ТОКБЕРГЕНОВА

Продолжение в № 2, 2025.